

Вопрос был с подвохом. Цзян Мэйшэн помедлил, тщательно подбирая слова, и лишь затем тихо произнес:

— Всё это уже в прошлом.

Фу Юйчжэнь резко вскинул голову. В его потемневшем, тяжелом взгляде сквозила нескрываемая злость.

— Почему ты промолчал, когда я спрашивал? — процедил он. — Уверял, будто вас связывает лишь детская дружба. Ты мне солгал.

Он надвинулся почти вплотную, так что Цзяну стало трудно дышать.

— И в чём же ложь? — Мэйшэн постарался вернуть себе самообладание. — Ворошить прошлое — только душу травить. Или ты действительно жаждешь подробностей?

Тихий, вкрадчивый голос Мэйшэна прозвучал неожиданно мягко, даже чувственно, но каждое слово отозвалось в груди Фу Юйчжэня ледяной, режущей болью. Оказывается, эти губы умели не только ласково ворковать, усыпляя бдительность и даря мимолетную радость. Они могли ранить не хуже острого лезвия — внезапно, без промаха, прямо в цель.

Юйчжэнь резко отстранился. Стиснув зубы так, что на скулах заиграли желваки, он небрежно бросил тубик с мазью в бардачок и завел мотор.

Всю дорогу они ехали в гнетущем молчании. Едва машина затормозила у дома и Мэйшэн ступил на тротуар, Фу Юйчжэнь резко рванул с места, словно спешил поскорее скрыться из виду.

«Похоже, с совместными обедами покончено».

Цзян Мэйшэн тихо вздохнул и не торопясь пошел прочь, подставив лицо прохладному вечернему ветру. В угасающих лучах заката его безупречная, словно фарфоровая кожа светилась мягким, теплым полутонem, делая его облик пленительным и ярким. Пожалуй, лишь столь холодный, ко всему равнодушный взгляд мог рождать эту отстраненную, эгоистичную красоту.

Он снова вздохнул — едва слышно — и выбросил эти мысли из головы.

Цюй Чжи раздраженно отмахнулся и процедил сквозь зубы:

— Если он так жаждет нацепить мой костюм, не забудь напомнить ему срезать бирку.

В студии воцарилась напряженная тишина. Сотрудники, уткнувшись в эскизы и ткани, старалисьшний раз не поднимать глаз. Все знали: господин Цюй последние пару дней пребывает в отвратительном расположении духа, и никто не горел желанием попасться под

горячую руку.

Вэнь Жо, прикрыв ладонью трубку, вежливо отклонил очередную просьбу агента популярного актера о прокате дизайнерского костюма. Закончив разговор, он попытался урезонить босса:

— Господин Цюй, Шэн Цзэси сейчас на пике популярности. Его менеджеры очень просили пойти им навстречу. Почему бы не сделать этот жест вежливости? Нам же на руку.

Цюй Чжи даже не пытался сдерживать яд:

— С такими пропорциями тела один к одному — и в звезды? В шоу-бизнесе нормальные люди перевелись? Да если он наденет мои брюки, мне придется укоротить их вдвое, чтобы они на нем не висели!

Будь кутюрье в благодушном настроении, он бы без лишних слов уступил наряд. Однако сейчас Цюй Чжи устраивал форменный разнос всем без разбора, и даже преданному ассистенту перепало несколько раз. Вэнь Жо работал с ним дольше остальных и прекрасно понимал: чем сильнее шеф злится, тем беспощаднее его сарказм. А виной всему, без сомнения, был Цзян Мэйшэн, который вот уже двое суток не объявлялся в мастерской.

Разумеется, Цюй Чжи строго-настрого запретил связываться с Мэйшэном. Зачем было упорствовать и мучить самого себя — оставалось загадкой. Вэнь Жо прекрасно видел, что Цзян Мэйшэн чувствует себя превосходно, в то время как их невыносимый гений изводит собственной гордостью лишь себя.

Вэнь Жо пришел в эту студию три года назад и практически сразу понял: в сердце его наставника прочно и глубоко засел один-единственный человек — тот самый Цзян Мэйшэн.

Говорили, они вместе выросли и вместе уехали на учебу за границу. Настоящая первая любовь, годы, прожитые бок о бок в чужой стране... Никто и подумать не мог, что Мэйшэн внезапно женится на другом, безжалостно бросив Цюй Чжи. Изнывая от одиночества, кутюрье провел в Европе три года. Едва до него дошли слухи о разводе любимого, он тут же бросил все дела и примчался на родину. Но увы — разбитую чашку склеить не удалось, чувства по-прежнему оставались безответными.

Еще на банкете по случаю показа Вэнь Жо заметил, что Цзян Мэйшэн смотрит на Цюй Чжи исключительно как на друга. Не было в его глазах той самой искры.

Ассистент испытывал к боссу двойственные чувства: ему было и искренне жаль шефа, и в то же время казалось, что тот получает по заслугам. Как говорится, нашла коса на камень. Нашелся-таки человек, способный обуздать этого деспота, привыкшего казнить и миловать исключительно по прихоти своего настроения.

Мысли прервал сигнал оповещения: на почту пришло письмо от частного детектива, которого Вэнь Жо нанял по поручению босса. Быстро распечатав присланные материалы, ассистент

отнес их в кабинет Цюй Чжи.

Модельер не спеша пролистал тонкую папку от корки до корки. С глянцевых страниц на него смотрело высокомерное лицо Фу Юйчжэня.

— Опять эти проклятые Фу... — процедил сквозь зубы Цюй Чжи и с остервенением затолкнул бумаги в шредер.

Цзян Мэйшэн с головой ушел в работу, выдавая на-гора по шесть тысяч иероглифов ежедневно.

Недавняя поездка в арт-зону Цзянбо с Фу Юйчжэнем послужила ему хорошим уроком. Твердо решив больше не ввязываться в неприятности, Мэйшэн заперся в четырех стенах, чтобы поскорее дописать роман.

За последние дни Фу Юйчжэнь ни разу не дал о себе знать, и Мэйшэн совсем забросил нормальную еду. Постоянное чувство голода, как ни странно, приводило его в состояние легкой эйфории: перед глазами плясали искры, а вдохновение било ключом.

Он с головой погрузился в заново вспыхнувшую страсть к «Первому повелителю демонов», днюя и ночуя в компании собственных персонажей и совершенно потеряв счет времени. Поэтому, когда в один из дней на диване в гостиной внезапно возник Цюй Чжи, писатель лишь застыл в легком замешательстве. Опираясь подбородком на ладонь, Мэйшэн какое-то время безучастно созерцал незваного гостя, а затем, покачиваясь от усталости, безмолвно убрел обратно в кабинет — продолжать работу.

Цюй Чжи негромко спросил у его сестры:

— Он что, все эти дни вообще не выходил нормально поесть?

Юйшэн уныло вздохнула:

— Да где там. Ты же знаешь, что с ним творится в такие моменты.

Отношение Юйшэн к Цюй Чжи всегда оставалось сложным и противоречивым. Сколько она себя помнила, брат всегда был рядом, защищая ее и заботясь о ней. Они должны были оставаться самыми близкими людьми на свете, но их соседом оказался этот невыносимый мальчишка. Стоило маленькой Юйшэн однажды постучать в соседнюю дверь и увидеть испуганный, робкий взгляд из-за косяка, как брат перестал принадлежать ей одной.

Маленький Цюй Чжи рос слабым, диковатым ребенком и не умел заводить друзей. Юйшэн же с пеленок отличалась капризным нравом и при любой обиде принималась истошно реветь, катаясь по полу. На ее фоне рассудительный и тихий Мэйшэн казался настоящим ангелом: он всегда уступал сестре, был мягок и заботлив. Неудивительно, что соседский мальчик

привязался к нему всей душой.

Ладно бы просто дружил, так ведь нет — этот собственник ревновал Мэйшэна ко всем подряд и буквально запрещал ему общаться с другими детьми. Юйшэн не раз порывалась выставить наглеца за дверь, но судьба распорядилась иначе. У брата обнаружилось расстройство пищевого поведения, а единственным спасительным лекарством для него стал именно Цюй Чжи.

Сцепив зубы, ей пришлось уступить свое место. Цюй Чжи вытеснил ее из жизни брата: от начальной школы до выпуска они были неразлучны. У Мэйшэна не было никого, кроме соседа, а у того — кроме Мэйшэна. Все изменилось в юности, когда Цюй Чжи расцвел и превратился в писаного красавца. Вокруг него мгновенно образовалась толпа обожателей, готовых носить его на руках, и преданный друг детства незаметно отошел на второй план.

Именно по этой причине Юйшэн так недолюбливала Цюй Чжи. Она пожертвовала самым дорогим, что у нее было, ради его спасения, а тот даже не потрудился это сберечь.

Сейчас она терпела его присутствие лишь по двум причинам: во-первых, детские обиды подзабылись с возрастом, а во-вторых, болезнь брата никуда не делась. Ему по-прежнему требовалось это «лекарство».

— И к нему никто не заходил? — настойчиво поинтересовался гость.

Девушка отрицательно покачала головой.

Цюй Чжи облегченно перевел дух.

«Значит, этот выскочка Фу здесь не появлялся. И отлично».

Ближе к ужину дверь кабинета распахнулась, и на пороге показался сияющий Цзян Мэйшэн.

— Я дописал! — радостно объявил он. — Наконец-то финал!

Юйшэн тут же умчалась в кабинет — читать развязку. Мэйшэн же, на которого внезапно навалилась дикая, давно забытая усталость вперемешку с голодом, нетвердой походкой направился к обеденному столу и потянулся к тарелке.

Расправившись с половиной порции, он наконец сфокусировал взгляд на сидящем напротив модельере и удивленно моргнул, словно только сейчас осознав его присутствие.

Тот иронично выгнул бровь:

— Что, так удивлен?

«И еще как. С его-то непомерной гордостью логичнее было бы навсегда вычеркнуть меня из жизни».

— Решил проявить милосердие, чтобы ты тут с голоду не загнулся, — как обычно, в своей язвительной манере отозвался Цюй Чжи. — Можешь не благодарить, просто зови меня своим спасителем.

Мэйшэн понимал, что для его друга это предел уступок. Подобные самовлюбленные эгоисты никогда не просят прощения первыми. Учитывая, что в прошлый раз Мэйшэн бросил его посреди галереи и уехал с Фу Юйчжэнем, Цюй Чжи должен был рвать и метать. То, что он вообще сидел здесь, граничило с чудом, а его колкие шпильки были не более чем жалкой попыткой сохранить лицо.

Докапываться до истинных причин этого великодушия Мэйшэну не хотелось. С Фу Юйчжэнем отношения окончательно испортились, а замену для облегчения приступов искать было некогда. Раз уж Цюй Чжи сам пришел на порог, глупо было отказываться.

На губах Мэйшэна заиграла мягкая улыбка.

— Спасибо, мой спаситель.

Оба предпочли негласно замять тему художественной галереи и заносчивого молодого господина Фу.

К Мэйшэну наконец вернулся нормальный аппетит. Модельеру даже пришлось следить, чтобы тот не набивал желудок слишком резко после долгой голодовки. Вскоре из кабинета вышла сияющая Юйшэн. Без лишних церемоний она уселась рядом и, не спрашивая, хочет ли брат ее слушать, принялась взахлеб пересказывать свои впечатления от финала.

Посреди этого щебетания Цюй Чжи вдруг тихо спросил:

— Почему ты забросил живопись?

Мэйшэн на мгновение замер, а затем спокойно ответил:

— Проблемы с ментальным здоровьем. Больше не могу держать кисть.

— И поэтому переключился на книги?

— Вроде того.

— Хм... Никогда бы не подумал, что у тебя есть литературный талант.

Мэйшэн снисходительно усмехнулся:

— Ты многого обо мне не знаешь.

Цюй Чжи долго всматривался в его лицо. За те три года, что они провели в разлуке, Мэйшэн сильно изменился. И пусть модельер упустил это время, он был готов принять его нового.

«Интрижка с Фу Юйчжэнем — лишь мимолетный эпизод. В конце концов, именно я всегда был и буду рядом с ним».

После ужина они решили прогуляться. Разговаривая ни о чем, они незаметно миновали ворота жилого комплекса. Внезапно из-за кустов с заливистым лаем выскочил крошечный пудель. Мэйшэн не успел даже испугаться, как Цюй Чжи инстинктивно шагнул вперед, закрывая его собой, и грозно прикрикнул на собачонку.

Из темноты торопливо выбежал парень и, рассыпаясь в извинениях, подхватил питомца на руки. Цюй Чжи обернулся к другу. Тот негромко рассмеялся:

— Надо же, ты до сих пор помнишь, что я боюсь собак.

Мэйшэн действительно с детства панически боялся собак, и Цюй Чжи всегда отважно бросался на его защиту. Это вошло у него в привычку, стало безусловным рефлексом. Даже когда они в пух и прах ссорились и шли по разным сторонам улицы, при виде любого бродячего пса Цюй Чжи неизменно загораживал друга собой.

Подобная мимолетная забота всегда опутывала Мэйшэна, словно прочная липкая паутина, лишая воли и возможности вырваться.

Вот только Мэйшэн уже давно избавился от этой фобии. В свое время Фу Янь, узнав о его страхе, специально завел щенка. Они вместе растили его, выгуливали и кормили, благодаря чему Мэйшэн шаг за шагом поборол свой детский страх.

«Наверное, это в его стиле. Цюй Чжи вечно опаздывает. И его защита приходит лишь тогда, когда она мне больше не нужна».

Тишину нарушил резкий звонок мобильного. Цюй Чжи скользнул взглядом по экрану, и его лицо мгновенно посуровело. Отойдя на несколько шагов, он торопливо ответил на вызов. Мэйшэн остался стоять на месте, даже не пытаясь прислушиваться к разговору — ему было абсолютно все равно.

Впрочем, имя звонившего прояснилось уже на следующее утро.

Цюй Чжи пригласил Мэйшэна пообедать в своей мастерской. Завидев гостя на пороге, Вэнь Жо заметно повеселел и бросился ухаживать за ним, суетливо наливая чай.

Разобравшись с делами, хозяин студии присоединился к Мэйшэну в переговорной. За неспешной беседой они принялись за еду. Внезапно в приемной послышались громкие голоса. Цюй Чжи мгновенно подобрался и настороженно уставился сквозь прозрачное с их стороны стекло.

В студию без предупреждения вошли двое мужчин. Один из них бесцеремонно развалился в плетеном кресле-павлине спиной к двери, а второй вел расспросы у растерянного Вэнь Жо. Наконец сидящий нетерпеливо махнул рукой:

— Да ладно тебе, не приставай к нему. Я сам наберу.

И в то же мгновение в переговорной зазвонил телефон Цюй Чжи.

Модельер поспешно сбросил вызов и бросил тревожный взгляд на Мэйшэна. Однако шум в переговорной выдал их присутствие — сидевший в кресле гость обернулся на звук.

Мэйшэн невольно затаил дыхание. В кресле сидел не кто иной, как Хэ Цингуан.

В это мгновение кусочки мозаики наконец сложились в его голове в единую картину.

<http://bllate.org/book/19840/2001157>